

Елена Сойни
(Петрозаводск, Республика Карелия)

Финский период в жизни и творчестве семьи Чернавиных

Аннотация: Статья посвящена финскому периоду в биографии ученых Владимира и Татьяны Чернавиных. Пересечение границы, первые встречи с Финляндией, описанные Татьяной Чернавиной в книге «Побег из Советской России», изданной в Хельсинки в 1934 г., следуют за повествованием о Соловецком лагере «Записки вредителя» (1934) Владимира Чернавина. Авторы объединяет позиция. Они не были «рыцарями белой идеи», посвятив свой труд молодому советскому государству, но оказались репрессированными. Беглецы испытали разочарование, оказавшись в эмигрантской среде Финляндии. Но сама Т.В. Чернавина вписала яркую страницу в историю публицистики русской эмиграции, сотрудничая с «Современными записками» и «Последними новостями». В статье рассматриваются особенности книги и статей Т.В. Чернавиной в контексте полемики с И.Л. Солоневичем и П.Н. Милюковым.

Ключевые слова: русская эмиграция, ГУЛАГ, Соловки, Соловецкий лагерь, мемуары, побег

Helena Soini
(Petrozavodsk, the Republic of Karelia)

The Finnish Period in the Life and Work of the Chernavin Family

Abstract: The article deals with the the Finnish period of life of scientists Vladimir and Tatyana Chernavin. The crossing of the border, the first meetings with Finland, described by Tatyana Chernavin in the book “Escape from Soviet Russia”, published in Helsinki in 1934, following the narrative of the Solovki camp “Notes of the Wrecker” (1934) written by Vladimir Chernavin. The authors has the same worldview. They were not «knights of the white idea» and working for the benefit of the young Soviet state, but were repressed. Having appeared in emigrant environment of Finland, the fugitives were disappointed But herself Tatyana Chernavin had inscribe the bright page in the history of Russian emigration publicism, cooperating with the “Sovremennye Zapiski” and “Poslednie Novosti”. The article discusses of Tatyana Chernavina book and articles in the context of the polemic with I.L. Solonevich and P.N. Milyukov.

Key words: Russian emigration, GULAG, Solovki, Solovetsky camp, memoirs, escape

В 1932 г. из Кандалакши в Финляндию совершила побег семья Чернавиных. Интеллигенты – искусствовед и ихтиолог – написали две книги, дополняющие друг друга. Первая «Записки вредителя» принадлежит перу Владимира Вячеславовича Чернавина (29.07.1887–01.04.1949). Потомственный дворянин, Владимир Чернавин родился в Царском Селе в семье Екатерины Александровны Боярской и генерал-майора Вячеслава Владимировича Чернавина. Выпускнику гимназии Карла Мая, юноше, увлеченному зоологией, посчастливилось попасть на Алтай в экспедицию под руководством Василия Васильевича Сапожникова. Сестра Екатерины Александровны Боярской Софья Александровна (тетя Владимира) стала второй женой выдающегося географа и ботаника.

Пожалуй, одни из самых светлых строк в книге «Записки вредителя» посвящены алтайской экспедиции: «Впервые я увидел дикую природу, часто даже не нанесенную на карту местности, где верхом, без дорог, мы прошли больше двух тысяч километров в лето»¹. Знаменитый русский исследователь Алтая, ботаник и географ, ректор Томского университета, Министр народного просвещения во Временном правительстве В.В. Сапожников, иногда брал собой в экспедицию детей. Старшей была Татьяна. Возможно, на Алтае Татьяна и Владимир впервые увидели друг друга. В 1915 г. они поженились, а в 1918-м родился третий участник побега, сын Андрей. Участие в экспедиции было для Чернавиных хорошей школой: они научились ориентироваться в неизвестных лесных просторах, переправляться через реки, и, сами того не подозревая, они хорошо «подготовились» к будущему побегу. Владимир окончил Санкт-Петербургский университет, стал ихтиологом и одним из руководителей мурманского «Севгосрыбтреста». Первые страницы «Записок...» посвящены сплоченному коллективу треста. Автор с большой симпатией описывает своих коллег, капитанов и промышленников, «природных поморов, выросших в суровых условиях полярного плавания», называет их «необыкновенно одаренными», «безукоризненно честными и трудолюбивыми» (стр. 18–19), подчеркивает, что эти люди не держали обид, преданно служили новому государству. Трагедия в том, подытоживает Чернавин, что именно таких людей объявили вредителями. 27 апреля 1931 г. Чернавин был сослан на Соловки сроком на пять лет. Мы узнаем о допросах и жизни в Соловецком лагере автора и его героев – «вредителей». Чернавин считает своим долгом, рассказать о том самозабвении, с которым его друзья служили своей профессии, создавая новую промышленность и науку Севера и о той участи, которая их постигла на Соловках.

Книга о побеге в Финляндию и первых впечатлениях о северной стране принадлежит Татьяне Васильевне Чернавиной (20.12.1887–1971). Татьяна Васильевна – дочь Надежды Ловейко и Василия Васильевича Сапожникова. Она окончила исторический факультет Московского университета, работала старшим научным сотрудником в Эрмитаже.

Татьяна Чернавина была задержана как жена «вредителя», с 7 апреля по 10 августа 1931 г. находилась под арестом², но вскоре ее освободили. Потеряв службу в Эрмитаже, она устроилась в библиотеку Ленинградского университета. В июле 1932 г. Татьяна Васильевна вместе с сыном Андреем приехала в Кемь навестить мужа Владимира Вячеславовича, где он, командированный из Соловецкого лагеря, работал инструктором Рыбпрома.

¹ Чернавин В.В. Записки вредителя // Чернавин В., Чернавина Т. Записки вредителя. Побег из ГУЛАГа. СПб.: Канон. 1999. С. 7

² Данные по: Suomen kansallisarkisto. Tshernavin asiapaperit.

Чернавины бежали из Кандалакши 8 августа 1932 г., прибыли в Финляндию через 18 дней, о чем Татьяна Чернавина написала почти детективную повесть «Pako Neuvosto-Venäjäältä» («Побег из Советской России»). Книга вышла в крупнейшем издательстве Финляндии «Отава» в 1934 г. на финском языке. Существуют еще английский и немецкий варианты текста, именно с английского («Escape from the Soviets»; London, 1934) Эйно Палола перевел повесть на финский язык. Изданная в 1999 г. на русском языке книга «Побег из Гулага», подготовленная Андреем Владимировичем Чернавиным, немного отличается от финского перевода. Приводя цитаты из «Побега...» мы выполняем обратный перевод с финского, за исключением случаев, оговоренных особо.

Побег этот был чрезвычайно сложным из-за болезни ребенка, отсутствия карты и продуктов. Но до границы семья все-таки добралась. Герои повести почувствовали, что они в Финляндии по... лосю.

Чернавины с удивлением смотрели на сохатого: «Это был большой зверь с красивой и блестящей кожей. Он выглядел упитанным, довольным и самоуверенным. Роскошные рога украшали его голову, как праздничная корона. Его темные умные глаза смотрели изучающе:

– Думаешь это был финский лось, отец? Он был горд, как английский лорд, и достаточно спокоен. Уверен, что это был не советский лось.

– По внешности лося не легко определить, из какой он страны, – заметил муж, смеясь»¹.

Вскоре путники заметили на деревьях метки от топора, а на дощечке, найденной мальчиком, – латинский номер. Герои убеждаются, что они в Финляндии, ведь в России лес рубят безмерно, а здесь нумеруют. И вдруг мальчик увидел деревянный ящик. Его удивил не сам ящик, а то, что из него не вынуты гвозди: «Смотри, отец, они даже не вытащили гвозди из ящика. Они не удосужились вытащить гвозди. Они, наверное, расточительные буржуа» (стр. 338). Финские пограничники, которых после долгих блужданий все же разыскали герои, накормили беглецов. «Запах пищи дает понять, насколько человек голоден. Нам казалось, что мы будем есть так долго, как сможем. Но каша кончилась» (стр. 362).

Путникам пришлось добираться на погранзаставу по порожистой реке: «Лодка, как скорлупа, прыгала туда-сюда, стучала и неслась мимо камней» (стр. 367).

Автор описывает погранзаставу, чистую, с белоснежными одеялами, лежащими на двухэтажных койках, рядом с которыми герои чувствовали себя грязными, как «вороньи перья».

Приготовление еды в пограничном бараке и сам обед описан с точки зрения ребенка, и оттого в повести Чернавиной подмечены детали, которых не найти у других авторов. Мальчик не понял, что делает повар, когда молот в кофемолке кофе, ведь он никогда не видел настоящего кофе. Когда герои сидели за столом с белой скатертью и пили «из расписных фарфоровых чашек» кофе, повар что-то варил в большом казанке.

«– Что он готовит, мама?

– Макароны.

– Но они же белые!» (стр. 372).

Сын, привыкший к серым макаронам, был удивлен. Но когда он увидел, что повар кладет в макароны масло, то не сдержал воодушевления:

¹ Tšernavin Tatjana. Pako Neuvosto-Venäjäältä / Englannin kielesi kääntänyt Eino Palola. Helsinki., 1934. С. 326. В дальнейшем при ссылках на это издание в скобках в тексте указываются страницы.

«Мама, ты знаешь, что он сделал с маслом? Ты не поверишь, он вывалил его в макароны. Да, видимо, в Финляндии голода не знают. А в “Ленинских искорках” пишут, что у финских рабочих недостаток хлеба, поэтому они едут в Россию. А ведь это получается неправда?» (стр. 372).

Вскоре, однако, беглецам пришлось ехать в Хельсинки. Автор обратил внимание на хорошо ухоженную дорогу, осушенные болота, на леса, обработанные под посадки. «Малочисленный народ Финляндии, – делает вывод писательница, – ежедневно воюет с суровой природой, добываясь от нее гораздо большей отдачи, чем вся Советская Россия со своими безмерными природными богатствами может достичь при помощи принудительных рот...» (стр. 375). Автобус, на котором беглецы ехали в Хельсинки, «ни разу не вышел из строя», а «вагон был чист и опрятен» (стр. 375). По ту сторону границы, сравнивает автор, «нормальных вагонов хватает только для высокопоставленных персон и для иностранных граждан» (стр. 375). Соседи по вагону угощали путников бутербродами, сын удивлялся: «Да, это странные люди... у них, видимо, еды вдоволь и, может, даже слишком, раз они в состоянии давать нам такие толстые бутерброды» (стр. 376).

Хельсинки показался автору «настолько чистым городом, как будто его недавно отмыли, перед домами росли цветы, витрины пестрели всеми мыслимыми и немыслимыми фруктами» (стр. 376).

Главная героиня попадает в больницу. Первое впечатление – белизна, чистота, но ее удивляет то, что медсестра, передевая, обмывая, укладывая ее в постель, «получает от этого некоторое удовольствие» (стр. 377). И героине жаль, что заболела одна она, «что все трое не попали в больницу одновременно» (там же).

Именно в больнице героиня берет в руки перо и начинает писать книгу «в таких спокойных условиях по отношению к миру, о каких можно было только мечтать» (стр. 378).

Мальчик тем временем знакомится с финской ярмаркой и не может поверить в ее реальность: «Бабушки, которые продают рыбу, такие упитанные и серьезные, они почти неподвижно сидят под тентом, а перед ними: лосось, селедка, окунь, камбала...» (там же).

Героине не хотелось уходить из больницы, «но ничего не поделаешь; раз врач меня излечил полностью, тем более он достал мне шляпку, пару ботинок и костюм, а то, в чем я пришла, надо было сжечь» (стр. 379). «О, если бы я могла сжечь свои воспоминания...» – заканчивается повесть.

Книги Владимира и Татьяны Чернавиных многое объединяет. Побег, описанный Татьяной Васильевной, следует за ужасающими событиями в Соловецком лагере, о которых повествует Владимир Вячеславович. Но это не главное. Авторы объединяет позиция. Они не были «рыцарями белой идеи». Герои их произведений не задумываясь отдавали свою душу, свое время, и свои промыслы молодому советскому государству. Герои Владимира Чернавина в революции «приняли новое дело», органически слились с новой работой; герои Татьяны Чернавиной реставрируя двухсотлетнюю голландскую мебель, были счастливы «приняться за дело». Но в государстве возникло другое государство, не имеющее отношение к первому, – ГПУ со своими «промыслами», а из Эрмитажа исчезали картины Рембрандта, Тициана, Рафаэля. Как и почему это произошло? На этот вопрос авторы ответа не находят и ставят вопросы новые: «Ни тюрьма, ни этот лагерь не заставят меня, что называется, “поправеть”, но большевики – это не революция, – пишет Татьяна Чернавина. – Правительство, преследующее лучших граждан страны,

превращающее их в рабов, не заслуживает ни оправдания, ни прощения. Во имя чего это делается? ...Какой зловредный идиот посмеет назвать этот путь социализмом?»¹ Ответа Чернавины не нашли и в эмигрантской среде.

Им не верили, хотя статьи Татьяны Чернавиной считались более объективными, чем статьи «маниакального»² И.Л. Солоневича. Иван Лукьянович Солоневич, знаменитый автор «Народной монархии» и «России в концлагере», пересекший финскую границу в 1934 г., стал другом Чернавиных в Финляндии. Солоневича с семьей Чернавиных связывала общая судьба – жизнь в СССР, побег. У их детей, Юрия и Андрея, разница в возрасте была небольшой, и они тоже подружились.

«Чернавины действительно объективны, – писал И.Л. Солоневич в главе «О свидетелях и о кабаке» из книги «Россия в концлагере». – Я читал их высказывания и говорил с ними лично: они стоят левее меня, но в оценке действительности – никакой разницы»³. В оценке действительности у Чернавиных и Солоневича разницы действительно не было, но в объяснении причин они придерживались все же противоположных взглядов. У Чернавиной «правительство» превращает граждан в рабов, оно, по мнению писательницы, не имеет ничего общего с социализмом. У Солоневича именно «веселая социалистическая стройка» перерабатывает металл в ржавчину, а людей в рабов...» (стр. 381). В 1934 г. в «Современных записках» в Париже Татьяна Чернавина публикует рецензию на книгу Малколма Маггериджа «Зима в Москве»; писательница словно ищет подтверждения своим мыслям у английского политика. Основная идея его книги, по мнению Татьяны Васильевны, в том, что «русская революция – это одно, советский режим – другое. Если первое – сложная и в настоящее время еще неразрешимая историческая проблема, то второе – явление, которое понять трудно»⁴.

Неверие эмиграции провоцировало и Чернавиных, и Солоневича приводить новые и новые доказательства о существовании на родине бедствий и беззакония. «...Можно утверждать, что и я, и Чернавин... все мы, бежавшие, “ущемленные”, бессознательно склонны сгущать краски и делать красное черным» (стр. 380), – писал Иван Солоневич.

Почувствовав к себе холодное отношение русского Гельсингфорса, Татьяна Васильевна приняла решение не связываться с эмиграцией. По совету Татьяны Васильевны и Иван Солоневич стал публиковаться в прессе Финляндии на шведском и финском языках, а Владимир Чернавин рекомендовал переводчиков.

Солоневич часто вспоминал одну встречу с Татьяной Васильевной, когда «они с ней сидели на камнях на берегу холодного финского озера. Оба наших потомка, Юра и Андрюша, кувыркались где-то в воде, и на этих потомков мы смотрели без чувства некоторой родительской гордости»⁵. Во время этой беседы Татьяна Владимировна предупредила Солоневича: «Бросьте всякие мечты об эмиграции. Это – болото. Оно Вас засосет или загадит. Работайте для иностранцев.... Поверь-

¹ Чернавин В.В. Записки вредителя // Чернавин В., Чернавина Т. Записки вредителя. Побег из ГУ-ЛАГа. СПб.: Канон, 1999. С. 7.

² Шруба М. Эмиграция не хочет видеть того, что совершается в России. Беглецы из СССР 1930-х гг. в «Современных записках» // Московский книжный журнал. morebo.ru/tema/segodnja/item/1395959385626

³ Солоневич И.Л. О свидетелях и о кабаке // Солоневич И.Л. Россия в концлагере / Подгот. текста М.Б. Смолина. М., 1999. С. 379. Далее при ссылках на это издание в тексте в скобках указываются страницы.

⁴ Чернавина Т.В. [Рец.] Muggeridge M. Winter in Moscow. Boston: Little, Brown // Современные записки. 1934. № 56. С. 442.

⁵ Солоневич И.Л. Первые шаги по болоту / Четыре года. София, 1939. С. 4.

те мне: я объехала почти всю Европу, и я знаю эту публику – безнадежное дело»¹. Солоневич и разделял, и не разделял взгляды Татьяны Васильевны: «Я знал, что это болото существует. Не знал его вязкости, но верил в то, что под этим болотом не может не быть твердой земли»² (выделено мной. – Е.С.).

Татьяна Чернавина не лукавила, когда высказывала свое отношение к эмиграции, это подтверждается и тем, что свою книгу она решила опубликовать в 1934 г. сразу в трех европейских столицах на английском, немецком и финском языках. Но в Париже в газете «Последние новости» и в журнале «Современные записки» по-русски публиковались ее очерки, статьи, рецензии. Манфред Шруба приводит данные, что в 1933 г. Чернавиной было опубликовано 30 мемуарных очерков. А лекции в Брюсселе помог ей организовать М.А. Бакунин³.

«Последние новости» издавались под редакцией видного историка П.Н. Миллюкова, сам редактор написал вступительную заметку к «Жене вредителя». Под таким названием в воскресных приложениях газеты начиная с 8 января 1933 г. выходили отрывки из будущей книги Т.В. Чернавиной, подписанные N.N. Миллюков был уверен, что «искреннее и бесхитростное, но тем более красноречивое описание тех мытарств и испытаний, через которые приходится проходить теперь интеллигентным работникам на пользу России... произведет потрясающее впечатление, – более сильное, чем какие бы то ни было ученые выводы и абстрактные рассуждения»⁴.

Миллюков упоминает и о Владимире Чернавине, не называя его фамилии, как об «известном специалисте по рыбоведению». Примечательно, что в одних номерах «Последних новостей» вместе с очерками Татьяны Чернавиной публиковались «Художественные письма» Александра Бенуа и рассказы Ивана Бунина.

«Жена вредителя» и книга «Побег из ГУЛАГА» (или в переводе «Побег из Советской России») автоматически не повторяют друг друга. Первые страницы из «Жены вредителя» в «Побеге...» расположены в самом конце; глава «48» из газетного варианта в «Побеге...» отсутствует, но фрагмент из нее вошел в главу «Сожги все». Словом, текстологическая работа еще ждет своих исследователей.

В журнале «Современные записки» Татьяна Чернавина публиковалась под собственной фамилией. В 1934 г. вышли ее статьи и рецензии: «Советская молодежь», «Об условиях литературной работы в СССР», «Дневники Мариэтты Шагинян» и др. В дерзости публицистика Татьяны Чернавиной не уступала статьям Солоневича. «Не слышать, не видеть, не помнить – вот основы, на которых может держаться советский писатель»⁵, – пишет Чернавина о «Дневниках Мариэтты Шагинян». Хлесткий тон рецензии мог бы быть более сдержанным, вряд ли стоило глухотой и подслеповатостью писательницы Мариэтты Шагинян объяснять ее лояльное отношение к советской власти. Дело не только в указании на физические недостатки («Шагинян – глухая... очень близорука»⁶), но и в том, что к Шагинян

¹ Там же.

² Там же.

³ См.: Шруба М. Эмиграция не хочет видеть того, что совершается в России. Беглецы из СССР 1930-х гг. в «Современных записках» // Московский книжный журнал. morebo.ru/tema/segodnja/item/1395959385626

⁴ Миллюков П. [Вст. ст.] N.N. Жена вредителя // Последние новости. Париж, 1933. № 4309. 8 янв.

⁵ Чернавина Т.В. [Рец.] Дневники Мариэтты Шагинян. 1917–1931 // Современные записки. 1934. № 55. С. 423.

⁶ Солоневич И.Л. Первые шаги по болоту / Солоневич И.Л. Четыре года. София, 1939. С. 4.

Чернавина не раз обращалась за помощью, за заказами на переводы. У читателей это вызывало улыбку, но, возможно, не вызывало одобрения.

Беглецы, которым посчастливилось достичь границы и остаться при этом в живых, испытали горькое разочарование от встречи с эмиграцией. Им бросилось в глаза, что в эмигрантской среде не было желания что-либо знать о современной ей России, сообща бороться за будущее покинутой державы, – было желание «победить друг друга».

Испытав разочарование, осознав свою ненужность в новом мире, авторы книг о побегах избрали разные пути. Офицер Юрий Бессонов, автор «Двадцати шести тюрем и побега с Соловков» стал заниматься богословием, ушел от какой-либо политической борьбы. Иван Солоневич, опубликовав несколько книг, будучи редактором газет и еженедельников «Голос России», «Наша газета», «Родина», «Наша страна», возглавил движение штабс-капитанов, популярное среди русских солдат и офицеров во всех странах проживания русской диаспоры. Искусствовед Татьяна Чернавина выступала с лекциями по изобразительному искусству в странах Европы для зарубежной аудитории, а ихтиолог Владимир Чернавин нашел работу по специальности в Лондоне.

Пережив арест, лагерь, побег, Чернавины взялись за перо. Они создали талантливые книги, описали жизнь советской интеллигенции на свободе и вне свободы, поведали о реальных судьбах людей, надеждах, разочарованиях. Чернавиным веришь. Остается только пожалеть, что в их исторической хронике не осталось места хронике семейной. И мы не можем взглянуть глазами авторов на жизнь их знаменитых родителей.

ЛИТЕРАТУРА

Tšhernavin Tatjana. Pako Neuvosto-Venäjäältä / Englannin kieleksi kääntänyt Eino Palola. Helsinki., 1934. 383 s.

Милуков П. [Вст. ст.] N.N. Жена вредителя // Последние новости, Париж, 1933. № 4309. 8 янв.

Солоневич И.Л. Первые шаги по болоту / Четыре года. София, 1939. 16 р.

Солоневич И.Л. Россия в концлагере / Подгот. текста М.Б. Смолина. М.: Москва, 1999. 560 с.

Чернавин В.В., Чернавина Т.В. Записки вредителя. Побег из ГУЛАГа. СПб.: Канон. 1999. 328 с.

Чернавина Т.В. [Рец.] Muggeridge M. Winter in Moscow. Boston: Little, Brown // Современные записки. 1934. № 56. С. 442–445.

Чернавина Т.В. [Рец.] Дневники Мариэтты Шагинян. 1917–1931 // Современные записки. 1934. № 55. С. 422–426.

Шруба М. Эмиграция не хочет видеть того, что совершается в России. Беглецы из СССР 1930-х гг. в «Современных записках» // Московский книжный журнал. morebo.ru/tema/segodnja/item/1395959385626

REFERENCES

Tšhernavin Tatjana. Pako Neuvosto-Venäjäältä / Englannin kieleksi kääntänyt Eino Palola. Helsinki. 1934. 383 s.

Milyukov P. [Introd. article] N.N. The Wife of a Wrecker. *Poslednie Novosti*. Paris, 1933. No 4309. 8 January.

Solonevich I.L. (1939) *First Steps on the Swamp / Four Years*. Sofia. 16 p.

Solonevich I.L. (1999) *Russia in the Concentration Camp* / Ed. M.B. Smolin. Moscow. Moskva Publ. 560 p.

Chernavin V.V, Chernavina T.V. (1999) *Notes of the Wrecker. Escape from the GULAG*. St.-Petersburg. Kanon Publ. 328 p.

Chernavina T.V. [Rev.] Muggeridge M. *Winter in Moscow*. Boston: Little, Brown. *Sovremennye Zapiski*. 1934. No 56, pp. 442–445.

Chernavina T.V. *Diaries of Marietta Shaginyan. 1917–1931*. *Sovremennye Zapiski*. 1934. No 55, pp. 422–426.

Shruba M. *Emigration does not want to see what is happening in Russia. Fugitives from the USSR in the 1930s*. in “*Sovremennye Zapiski*”. *Moskovsky Knizhny Zhurnal*. morebo.ru/tema/segodnja/item/1395959385626

Сведения об авторе:

Елена Григорьевна Сойни,
докт. филол. наук
ведущий научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра (ИЯЛИ КарНЦ),
РАН

Helena Soini,
Doctor of Philology
Leading Researcher
Institute of Linguistics, Literature and History of
Karelian Research Centre, RAS

elenasoini@gmail.com